

ГРЯДЕТ БИТВА, ЧТО МОЖЕТ СТАТЬ
ПОСЛЕДНЕЙ...

ДЭВИД ХАИР
КРОВЬ
МАГА

ДЭВИД ХАИР
КРОВЬ
МАГА

Юрос и Антиопия разделены непроходимыми морями. Но раз в двенадцать лет, во время Лунного Прилива, вода опускается и открывается мост Левиафана, соединяющий восток с западом на короткие два года. Этого времени хватит, чтобы боевые маги Юроса навсегда поработили мир Антиопии. Но в этом плане появляются непредвиденные обстоятельства — трое эмигрантов из Антиопии, оказавшиеся в самом сердце Юроса. Они — единственное спасение для своего края и гибель для захватчиков. Грядет новый священный поход. Император Юроса собирает все силы, ненависть и подлость в армии боевых магов. Но они не подозревают, с чем столкнутся, когда мост Левиафана распахнет свои врата в последний раз...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7115-9

9 786171 271159

DAVID HAIR

MAGE'S
BLOOD

A NOVEL

JF

Jo Fletcher
BOOKS

ДЭВИД ХАИР
КРОВЬ
МАГА

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
X15

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:

Hair D. Mage's Blood. The Moontide Quartet : A Novel / David Hair. —
London : Jo Fletcher Books, 2012. — 688 p.

Перевод с английского *Александра Оржицкого*

Дизайнер обложки *Иван Дубровский*

ISBN 978-617-12-7115-9
ISBN 978-1-78087-195-0 (англ.)

- © David Hair, 2012
- © DepositPhotos / saras66, andreyuu, borisreyt, cla1978, обложка, 2020
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2020

Перед вами художественное произведение. Имена, персонажи, коммерческие и некоммерческие организации, места и события, исключая те, информация о которых содержится в публичном доступе, являются плодом воображения автора или использованы в вымышленном ключе. Любое совпадение с реальными людьми, живущими или жившими когда-либо, событиями или местами является совершенно случайным.

Посвящаю эту книгу своей жене Керри, с которой мне невероятно повезло. Также с любовью посвящаю ее Брендану и Мелиссе, моим детям; а еще — моим терпеливым читателям (вы себя знаете), друзьям и родственникам. И привет Джейсону Айзексу.

ПРОЛОГ

ПАУТИНА ДУШ

Судьба мертвых

Что происходит, когда душа покидает тело? Рай или проклятие? Перерождение? Единство с Богом? Или забвение? Верований много. Однако в Ордо Коструо мы учим, что, когда душа расстается с телом, она некоторое время остается здесь, на Урте, в качестве бестелесного призрака. Рассеивается ли она в итоге или же уходит в какое-то другое место, мы можем лишь предполагать. Что мы знаем наверняка — так это то, что маг способен общаться с духами и воспринимать то, что воспринимают они. По земле бродят миллионы духов, и, общаясь с ними, теоретически можно знать обо всем, что происходит на Урте.

Коллегиат Ордо Коструо, Понт

***Горы Нимтайя, Антиония
Юльсент 927
1 год до Лунного Прилива***

Первый луч солнца пробился сквозь расщелину в горах на востоке, и от мусорной кучи донесся тихий стон. Куча находилась с подветренной стороны от скопления полуразвалившихся глинобитных хижин. Дрожащий всхлип повис в воздухе, словно приглашая хищников. И действительно, вскоре, крадучись, появился опасно приноживавшийся шакал. Издалека доносилось завывание его сородичей, однако он, чувствуя, что добыча близко, не издавал ни звука.

Вот она: бесформенная куча судорожно вздрагивающих пеленок, из которых торчали беспрестанно трепыхавшиеся маленькие коричневые ножки. Осторожно оглядевшись по сторонам, шакал двинулся вперед. Беспомощный новорожденный

затих, когда зверь навис над ним. Он еще не понимал, что обнидавшее его теплое существо больше не вернется. Ему было холодно, и он начинал замерзать.

Шакал не видел ребенка; он чуял еду и открыл пасть.

И в следующее же мгновение, пролетев по воздуху, больно врезался своей задней частью в валун. Мучительно извернувшись, он попытался броситься наутек, однако вместо этого беспомощно сполз по склону, на который еще недавно легко избегал. Оползловевшие глаза выискивали угрозу, но так и не обнаружили ее. Между тем одна из его задних лап оказалась раздробленной; далеко уже было не уйти.

Закутанная в лохмотья фигура, словно выросшая из-под земли, скользнула к шакалу. Зарывав, зверь силился укусить поднявшуюся и тут же опустившуюся руку с камнем, но следом раздался приглушенный хруст и брызнула кровь. Из-под грязного балахона показалось обтянутое пергаментной кожей лицо старухи, обрамленное напоминавшими железную проволоку волосами. Женщина наклонилась так, что ее губы почти коснулись морды шакала.

Она вдохнула.

Позже в тот день старуха, скрестив ноги, сидела в пещере высоко над засушливым сухолодом, голым и бугристым. Свет играл с тенями на выходах скальной породы. Старуха жила одна, так что некому было воротить нос от зловония немытого тела и отводить свой взор при виде сморщенного лица. Ее кожа была темной и сухой, а спутанные волосы — седыми, однако, разводя костер, она двигалась достаточно грациозно. Дым уходил в расщелину в скале — хитроумное подобие дымохода, обустроенное одним из ее внучатых племянников. Старуха не помнила его имени, однако это лицо по-прежнему стояло у нее перед глазами.

Она со знанием дела вливала воду в крошечный сморщенный ротик новорожденного — одного из детей, которых жители деревни каждый год оставляли дюжинами, нежеланных и обреченных со своего первого крика. Они просили старуху лишь о том, чтобы она убедилась, что эти дети отправятся в рай. Жители деревни почитали ее как святую и часто обращались к ней

за помощью; богословы же терпели старуху, глядя на ее присутствие сквозь пальцы. Иногда какой-нибудь фанатик пытался изгнать «ядугару» — ведьму, однако их нечасто хватало надолго: изболитительные речи никто не слушал. А если они пытались сделать это силой, старуху не удавалось отыскать.

Жители деревни нуждались в ее заступничестве перед предками. Она говорила людям то, что им нужно было услышать, взамен получая еду, питье, одежду, топливо — и их нежеланных детей. Они никогда не спрашивали, что с ними происходило, — жизнь в этих краях была суровой, а смерть наступала быстро и оставалась ненасытной.

Ребенок на ее коленях громко заплакал; его ротик просил еды. Старуха смотрела на него безо всяких эмоций. Она тоже стала шакалом, пусть и иного рода, прабабкой своей собственной стаи. Когда она была помоложе, за ней увивались любовники, и однажды она зачала, родив девочку, которая стала женщиной, приведя в этот мир гораздо больше детей. Ядугара по-прежнему присматривала за своими потомками, пешками в ее невидимой игре. Она жила здесь дольше, чем кто-либо мог представить, притворяясь, что стареет и умирает и что ей на смену приходит другая. Пещера-склеп, в которой якобы хоронили ее предшественниц, оставалась пустой — во всяком случае, в ней не было их останков. Вместо этого там были захоронены кости чужаков. Время от времени она отправлялась странствовать по миру, используя десятки обличий и имен, представляя то молодой женщиной, то старой каргой, подобно какой-нибудь богине времен года в солланских верованиях.

Старуха не кормила ребенка — это было бы расточительно, а расточительность считалась непозволительной роскошью в этих краях, особенно для нее, платившей за свое могущество столь высокую цену. Она бросила в огонь щепотку порошка. Цвет пламени сменился с ярко-оранжевого на глубокий изумрудный. Огненные языки взвились выше, однако уже через несколько секунд в пещере заметно похолодало. Дым стал гуще. Ночь словно бы вдыхала его.

Время пришло. Из кучи лежавших у ее ног безделушек старуха достала нож и нажала им на маленькую грудку младенца. На

мгновение она встретила с ним глазами, однако в ее взгляде не было сомнения или сожаления. Она утратила эти эмоции еще в юности. За свою долгую жизнь женщина проделала это уже больше тысячи раз в самых разных уголках двух континентов; для нее это было столь же необходимо, как пища или вода.

Лезвие вошло между ребер младенца, и его короткий крик стих. Маленький ротик открылся, и ведьма прижалась к нему губами. Она вдохнула... И ощутила гораздо большее насыщение, чем с шакалом. Если бы ребенок был старше, она бы насытилась еще сильнее, однако выбрать не приходилось.

Старуха отложила мертвое тельце — оно станет пиршеством для шакалов. Сама же она получила то, в чем нуждалась. Ведьма позволила дымной энергии, которую вдохнула, разлиться по своему телу. Она испытала прилив сил, который давало лишь пожирание души другого. Ее зрение прояснилось, а тело наполнилось жизнью. Насытившись, она вновь почувствовала, что ее окружают духи. Впрочем, на это ушло некоторое время — духи знали ее и добровольно не стали бы к ней приближаться. Однако ведьма сумела подчинить некоторых из них своей воле, выбрав из их числа фаворита.

— Яханастхами, — тихо пропела она, посылая липкие потоки энергии.

Она поворошила золу, заново раскочегаривая костер и подсыпая в него еще порошков, чтобы дым стал гуще.

— Яханастхами, явись!

Долгие минуты прошли прежде, чем в дыму возникло лицо ее духа-хранителя, белое, как неокрашенная лантрикская карнавальная маска. Его глаза были пусты, а рот — черен.

— Сабель, — выдохнул он, — я почувствовал, что ребенок умер... Я знал, что ты меня призовешь.

Ведьма и Яханастхами стали единым целым. Образы из сознания духа вливались в ее рассудок: места и лица, воспоминания, вопросы и ответы. Когда один из ее вопросов озадачил духа, он посоветовался с другими и передал ей их слова. Паутина душ, соединенных бесчисленными нитями и хранившая столько знаний, что разум все их просто не выдержал бы. Однако Сабель пыталась, продираясь сквозь бесконечные пустяки и мело-

чи, случавшиеся на протяжении миллионов жизней, выискивая крупницы информации, способной открыть будущее. Ядугара просто тряслась от напряжения.

Шли часы, казавшиеся старухе вечностью. Перед ее глазами зарождались, расцветали, увядали и гибли целые миры, состоявшие из знаний. Она плыла в морях образов и звуков, погружалась в бездонную пучину жизни, видя королей и их шептавшихся слуг, пререкавшихся жрецов и молившихся торговцев. Она становилась свидетельницей рождений и смертей, любви и убийств. Наконец Сабель глазами мертвой лакхской девочки разглядела лицо, которое искала. Призрак видел лик, выглядывавший из-за занавески, лишь короткое мгновение — вспыхнувшие обереги тотчас отбросили его прочь. Однако и этого мгновения было достаточно. Сабель приближалась, подобно охотнику, перескакивая от духа к духу. Она уже чувствовала добычу, так, как паук чувствует далекое трепетание невидимой паутины. Теперь Сабель была уверена: Антонин Мейрос наконец сделал свой ход. Он отправился из уютного убежища в Гебусалиме на юг, ища способ предотвратить войну — или хотя бы пережить ее. Каким же древним он выглядел... Сабель помнила его в юности. Тогда это лицо пылало энергией и осознанием своей цели. Ей едва удалось сбежать от него, когда Антонин и его орден истребили ее сородичей — любовников, семью. Не выжил почти никто.

Продолжай считать меня мертвой, маг.

Раздраженно взмахнув рукой, она изгнала Яханастхами. *Значит, великий Антонин Мейрос наконец решил действовать.* Она достаточно долго просматривала вероятные сценарии будущего, чтобы знать, чего он хочет; Сабель удивляло лишь то, что он ждал на протяжении столь долгого времени. Лишь год оставался до Лунного Прилива и всех тех бесчисленных смертей, которые он нес. Мейрос вступил в игру поздно, однако выбора у него не оставалось.

Он и Сабель были Предсказателями, поэтому умели видеть возможные сценарии будущего. Веками они сходились в поединках разумов, погружаясь в сплетения вероятностей. Сабель могла слышать вопросы, которые он задавал, и ответы, которые

получал, — иные из них она посылала сама, сплетая вокруг его догадок паутину лжи.

Да, Антонин, отправляйся на юг — я приготовила тебе подарок! Ты вновь ощутишь вкус жизни. И смерти.

Сабель попыталась расхохотаться, однако из ее груди вырвался лишь плач, рожденный болью и тоской по всему тому, что она потеряла, или еще какой-то эмоцией, которую, как думала Сабель, она уже неспособна была испытать. Женщина не стала особо вдумываться. Она просто смаковала новое ощущение.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, и его лучи, проникая в пещеру, падали на нее, старую паучиху в сердце древней паутины. Рядом с ней лежало уже остывшее крохотное тельце новорожденного.

ТОМЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТА

Мир Урта

Урт назван в честь Урита, бога земли у древнего народа Йотов. Известных континентов два — Юрос и Антиопия (или Ахмедхасса). Некоторые ученые, основывая свои теории на определенном сходстве примитивных артефактов и животных, утверждают, что когда-то континенты были соединены Понтийским полуостровом. Это все еще не доказано, однако можно с уверенностью говорить, что без силы магов сношения между континентами в наше время были бы невозможны, ведь их разделяют больше трехсот миль непреодолимого моря. Мы полагаем, что случившаяся еще в доисторические времена катастрофа космических масштабов привела к тому, что орбита Луны снизилась, вследствие чего моря стали более бурными, поглотив значительные участки суши и сделав мореплавание невозможным.

Коллегиат Ордо Коструо, Понт

Паллас, Северный Рондельмар, континент Юрос

2 юльсента 927

1 год до Лунного Прилива

Гурвон Гайл натянул капюшон своей робы подобно кающемуся монаху. Лишь еще один безымянный послушник Кора. Он обернулся к своему спутнику, элегантному мужчине с гривой седых волос, задумчиво поглаживавшему бороду, глядя в зарешеченное окно. Падавший на его лицо мерцающий свет не позволял определить возраст мужчины.

— Ты так и не снял губернаторский перстень, Бел, — заметил Гайл.

Оставив свои раздумья, мужчина убрал легко узнаваемое кольцо в карман.

— Только прислушайся к реву толпы, Гурвон. — Его голос нельзя было назвать восторженным, однако он явно был впечатлен, что случалось редко. — На одной лишь площади должны скучиться свыше ста тысяч горожан.

— Мне говорили, что посмотреть на церемонию соберутся больше трехсот тысяч, — отозвался Гайл. — Однако парад увидят не все. Натяни свой капюшон.

Криво улыбнувшись и тихо вздохнув, Белоний Вульт, губернатор Нороса, повиновался. Гурвон Гайл возвысился, оставаясь в тени, а вот Вульт скрываться ненавидел. Впрочем, сегодня действительно был неподходящий день для того, чтобы привлекать к себе внимание.

В дверь тихо постучали, и в комнату вошел еще один человек. Он выглядел стройным, а оливковая кожа и вьющиеся черные волосы выдавали в нем лантрийца. Человек был одет в роскошный красный бархат. В руках он держал богато украшенный епископский посох. Его лицо было овальным, губы — по-женски полными, а глаза — узкими. Оказавшись рядом с ним, Гайл почувствовал, что его кожу покалывает от антигностических оберегов. Церковные маги зачастую страдали паранойей. Откинув назад свои непослушные черные кудри, епископ протянул украшенную кольцом руку.

— Лорды Нороса, готовы ли вы стать свидетелями Благословенного События?

Вульт поцеловал руку епископа:

— Готовы и ждем этого с нетерпением, лорд Посох.

Все епископы Кора отказывались от своих семей, принимая фамилию Посох, однако этот человек был родственником графа Болье и считался одной из восходящих звезд Церкви.

— Зовите меня Адамус, господа. — Прислонив посох к стене и натягивая капюшон такого же серого плаща, как и те, что были на двух других мужчинах, епископ улынулся, словно ребенок, играющий в переодевание. — Пойдем?

Епископ провел их по темному проходу, и они стали подниматься по осыпавшейся лестнице. С каждым шагом шум усиливался: подобный пчелиному жужжанию гул человеческих голосов, звуки труб, барабанная дробь, песнопения священников,

крики солдат и топот тысяч сапог. Они чувствовали все это сквозь каменную кладку. Казалось, сам воздух вибрировал. Поднявшись по лестнице, они оказались в маленькой лоджии с видом на Плас д'Аккорд. Рев стал по-настоящему оглушительным.

— Великий Кор! — крикнул Гайл озадаченно улыбавшемуся Вульту.

Оба они многое повидали, однако это впечатлило даже их. Перед ними раскинулась Плас д'Аккорд, сердце города Паллас. А Паллас был сердцем Рондельмара, сердца Юроса. Сердца Империи. Величественная площадь была тем театром, где разворачивались бесконечные политические пьесы, разыгрываемые сильными мира сего; разворачивались перед толпами, численность которых воистину ужасала. Окруженные казавшимися крошечными людьми, огромные мраморные и золотые статуи выглядели гигантами, пришедшими взглянуть на торжества. Солдаты шли колонна за колонной, и вторивший барабанной дробью топот легионерских ног резонировал силой. В небе кружили воздушные корабли, могучие птицы войны, бросавшие вызов гравитации и отбрасывавшие огромные тени в лучах полуденного солнца. Алые знамена с золотым палласским львом, с которым соседствовали скипетр и звезда королевского дома Сакрекёр, реяли на ветру.

Взгляд Гайла скользнул в направлении королевской ложи, расположенной ярдах в двухстах слева от него, в сторону которой проходившие легионеры адресовали салюты вытянутой рукой. Оттуда вниз глядели одетые в алое и золотое крошечные фигурки: Его Королевское Величество император Констант Сакрекёр и его болезненные дети. Разноликие герцоги и лорды со всех уголков империи, прелаты и маги — все они собрались поглядеть на невиданное доселе зрелище.

Сегодня человек будет объявлен живым святым. Гайл тихо присвистнул, все еще не веря, что кому-то хватило наглости на подобное святотатство. Впрочем, судя по радостному и триумфальному настроению толпы, большинство людей это вполне устраивало.

Мимо них прогарцевал кавалерийский отряд, за которым следовала дюжина слонов, захваченных во время последнего священного похода. За ними шли карнийские всадники, ведя своих

огромных боевых ящеров между рядами зевак и не обращая внимания на вздохи толпы. Ярко окрашенные рептилии щелкали челюстями и шипели, в то время как их всадники сохраняли железную дисциплину, глядя прямо перед собой. Они обернулись всего раз, чтобы отсалютовать императору.

Вспомнив, каково было столкнуться с такой силой в бою, Гайл слегка вздрогнул. Норосский мятеж. Катастрофа и личный кошмар. Именно он сформировал Гайла, забрав, впрочем, его невинность и понятие о морали. И ради чего? Норос вновь стал частью Имперской семьи наций со всеми вытекающими. Для империи это было лишь мгновением, короткой задержкой на пути завоеваний, а вот раны Нороса не зажили до сих пор.

Гайл выбросил эти мысли из головы. За пределами Нороса это больше никого не волновало — и уж точно не здесь. Посмотрев туда, куда указывал палец епископа, Гайл неподдельно удивился пронесшемуся над Плас д'Аккорд Крылатому корпусу, дюжинам летающих ящеров, плотными рядами взмывавшим над крышей собора Святого Сердца. За спинами наездников сидели боевые маги. Перед королевской ложей ящеры снижались под полные восхищения и ужаса вопли толпы. Челюсти длиной больше человеческого роста щелкали, футовые зубы скрежетали, и многие из крылатых конструкторов с ревом изрыгали пламя. Невозможные существа, созданные магами.

Как мы вообще могли подумать, что нам удастся победить их?

Под сигналы труб над королевской ложей взвились белые флаги. Толпа разом умолкла. Это стало знаком для черни: будет говорить император. Повинуясь его воле, люди не издавали ни звука. Сидевшая на троне стройная фигура поднялась на ноги и ступила на королевскую трибуну.

— Мой народ, — начал император Констант, и его гностически усиленный высокий голос разнесся над площадью. — Мой народ, сегодня меня переполняют гордость и восхищение. Гордость — при виде величия собравшихся здесь нас, рондийцев! По праву нас называют величайшей нацией на Урте! По праву нас величают Детьми Кора! По праву мы вершим судьбы всего человечества! По праву даже последние из вас, моих детей, в глазах Бога значите больше, чем все остальные люди! И восхище-

ние — перед всем тем, чего мы достигли, бросив вызов превратностям судьбы. Восхищение перед тем, что сам Кор выбрал нас, чтобы исполнить волю его!

Констант продолжил восхвалять свой народ, — а значит, и самого себя, — перечисляя славные деяния, начиная с уничтожения Римонской Империи и завоевания Юроса и заканчивая Священными походами по мосту Лунного Прилива и победой над неверными в Антиопии.

Гайл почувствовал, что его мысли уносятся прочь от той насмешки над историей, которой император потчевал собравшуюся толпу. Он чувствовал, что ему повезло оказаться одним из тех немногих, кого учили чему-то, что было ближе к истине. Арканум, где он получил образование, был более светским и менее пристрастным. Гайлу рассказывали, что еще пять сотен лет назад Юрос был раздроблен. Его крупнейшая держава, Римонская Империя, контролировала едва ли четверть континента, хотя эта четверть включала в себя Римонию, Силацию и Верелон, а также — весь Норос, Аргундию и Рондельмар. Войны были постоянными. Династии плели интриги и воевали друг с другом в Райме, столице. Различные верования, ныне объявленные языческими, сражались за господство. Голод приходил на смену эпидемиям, а эпидемии — на смену голоду. Пересечь бурные моря было невозможно. Никто и подумать не мог, что за восточными морями есть еще один континент.

Пятьсот лет назад все изменилось: подобно пылающей комете явился Кориней, разжегший мировой пожар. Кориней Спаситель, рожденный как Йохан Корин, сын знатной семьи из приграничной провинции Рондельмар. Отринув претенциозную роскошь дворцов вельмож, он стал вести простую жизнь странника. Йохан путешествовал, проповедуя свободную любовь и другие простые идеалы, привлекая последователей, число которых вскоре выросло почти до тысячи молодых людей. Заблудшие и впечатленные стекались к нему, привлекаемые обещанием спасения в следующей жизни и бесконечного разгула в этой. Его люди слонялись по деревням, снискав славу смутьянов, до тех пор, пока не оказались в одном городке, жители которого, запаниковав, обратились за помощью к стоявшему неподалеку

легиону. Солдаты согласились, что пора положить конец святотатству Йохана Корина и его последователей. В полночь легион в полном составе окружил лагерь Корина, чтобы произвести аресты.

Произошедшее затем вошло в легенды и стало частью Писания: были вспышки и голоса, и легионеры погибли все до одного, погибли тысячей разных смертей. Погибли и многие последователи Корина. Пал и он сам, убитый своей сестрой-любовницей Селеной. Однако были и выжившие, которые преобразились: каждый получил силу полубога, научившись управлять огнем и бурями, вызывать камнепады и метать молнии. Они стали Благословенными Тремя Сотнями, первыми магами.

Забыв принципы любви и мира, которые проповедовал Корин, они обрушили свою месть на городок (провозглашенный затем «нечестивым местом»), спалив его дотла. Позже, поняв, чем они стали, маги заключили союз с одним из римонских сенаторов, превратившись в армию, способную без потерь уничтожать целые легионы. Они уничтожили Римонию, стерли Райм с лица земли и создали мир заново, назвав свое государство Рондийской Империей.

Три Сотни благодарили за свою силу Йохана Корина, называя его Божественным Заступником, обменявшим собственную жизнь на магические силы для своих последователей. Они объявили мир смертных своим. Молодые и всемогущие, они спали, с кем хотели, и там, где хотели. Поначалу их не волновало, что магическая сила детей от смешанных браков уменьшалась с каждым поколением, однако по мере того, как их потомки расселялись по Юросу, становясь феодалами, их понимание природы собственной силы росло. Они основали коллегии, чтобы учить друг друга, и церковь, чтобы проповедовать собственную божественность черни.

Теперь, пять веков спустя, кровь Благословенных Трех Сотен текла в жилах тысяч. Эти люди и были магами. Воплощением их власти была императорская династия, потомки Сертена, занявшего место Корина после преобразования. Ныне правил император Констант Сакрекёр. Да и сам Гайл вел свою родословную напрямую от одного из Трех Сотен. «Я часть всего этого, — подумал он. — Я — маг, хотя еще я из Нороса». Он взглянул на Белония

Вульга и Адамуса Посоха. Они тоже были магами. Правителями Урга.

Адамус жестом указал на дальний край Плас д'Аккорд так, словно был конферансье на каком-то представлении. Там стояла огромная статуя Коринья, раскинувшего руки, — такого, каким его нашли наутро после Преображения: мертвого, с кинжалом сестры в сердце. Каждый из Трех Сотен утверждал, что Корин говорил с ним после своей смерти, оставив ему указания. Некоторые заявляли, что им были видения его сестры Селены, выкрикивавшей мерзости, хотя, придя в себя на рассвете среди мертвых легионеров, они так ее и не нашли. Их рассказы стали Писанием: Йохан провел их через преобразование, после чего был убит своей алчной сестрой Селеной. Он был Божьим сыном, а она — ведьмой-блудницей Погибели. Он стал повсеместно почитаемым Коринеем Спасителем, она — Коринеей Проклятой.

Грудь огромной статуи Коринья вспыхнула розово-золотым светом. Мерцая, он усиливался с каждой секундой. Раздался полный восторженного предвкушения голос толпы. Свет становился все ярче и ярче, заливая площадь своим сиянием. Гайл видел, что лица многих собравшихся были мокрыми от слез.

В розоватом свете появилась женская фигура, одетая в белое платье, казавшееся обманчиво простым, пока Адамус не прошептал, что оно было полностью сделанным из бриллиантов и жемчуга. Фигура медленно вышла на платформу в виде гигантского золотого кинжала, пронзавшего сердце статуи: женщина, которую вот-вот объявят святой. Толпа издала восхищенный вскрик, так, словно исполнение всех их надежд и мечтаний зависело от нее одной. Они вновь вздохнули, когда женщина шагнула с золотого кинжала в пустоту и, воспарив в воздухе, проплыла примерно в шестидесяти футах над толпой к королевской ложе. Люди приветствовали этот простой трюк, на который был способен любой маг-недоучка, восторженными криками.

Адамус Посох моргнул, словно бы говоря: «наслаждайтесь спектаклем». Выражение лица Гайла оставалось осторожным.

Женщина проплыла мимо них. Ее руки были молитвенно сложены. Собравшаяся внизу толпа не отрывала от нее взглядов. *Надеюсь, она надела свое лучшее белье.* Поймав себя на этой мысли,

Гайл взял свой разум под контроль. Насмехаться над этими людьми, пусть даже про себя, было опасной привычкой. Границы разума не являлись нерушимыми.

Женщина подплыла к императорскому трону, где сидевший в окружении своей свиты великий прелат Вуртер, Отец Церкви, чопорно встал, чтобы принять ее. Приземлившись, женщина опустила на колени, сложив руки в смиренной молитве. Толпа издала приветственный крик, однако затем вновь затихла при виде поднятой руки великого прелата.

Адамус Посох потянул Гайла за рукав.

— Хотите смотреть дальше? — прошептал он.

Взглянув на Вульта, Гайл качнул головой.

— Хорошо, — сказал Адамус. — Внизу нас ждет хорошее скарло, и нам многое нужно обсудить.

Прежде чем уйти, Гайл позволил себе бросить долгий тяжелый взгляд на лицо императора, молодого человека, с которым они завтра встретятся лично. Используя магическое зрение, он приблизил свой взор, внимательно изучая правителя миллионов. Лицо Константа выглядело этюдом в тонах гордыни, зависти и страха, едва скрытым под маской благочестия. Гайлу стало его почти жаль.

В конце концов, какой реакции следовало ожидать от человека, чья мать только что стала живой святой?

Спустя сутки Гайл желал, чтобы последних нескольких минут его аудиенции в роскошном дворце никогда не было. Он, как всегда, оказался чужаком, вторгшимся в рай. Когда начал моросить дождь, он поднял свой воротник и стал прохаживаться по тихой тропинке. Его мысли витали далеко. Гайл выделялся, ведь он не был одет в роскошную одежду жизнерадостного цвета. В этом сезоне в моде преобладали яркие, вдохновленные Востоком наряды, и в саду повсюду сновали мужчины в одеяниях, напоминавших своим стилем военную форму. Приближался Третий священный поход, так что воинственный внешний вид вновь входил в моду, а затянутый в кожу Гайл выглядел подобно дрозду в клетке с попугаями. На поясе мага тоже висел меч, лезвие которого было острым как бритва, а рукоять — весьма потертой. Его морщинистое лицо, за-

горевшее в лучах пустынного солнца до темно-коричневого цвета, придавало ему на фоне бледных северян довольно зловещий вид. И тем не менее он старательно избегал встречи с кем-либо из бродившей по саду молодежи, несмотря на их лощено-жеманные манеры: каждый человек в этом саду был рожден магом и обладал способностью уничтожить отряд солдат силой мысли. Гайл тоже обладал такой способностью и при необходимости мог пустить ее в ход, однако смысла попадаться на драке с юным магом-аристократом в императорских садах не было.

В сад вошел Белоний Вульт и нетерпеливо махнул ему рукой.

Ладно. Великие дела начинаются с одного маленького шага.

При виде простого наряда Гайла мягкое лицо губернатора слегка скривилось. Сам Вульт был одет в расшитую серебром мантию из синего шелка. Воплощение элегантного мага. Гайл знал Вульта давно, уже несколько десятилетий, и тот выглядел всегда неизменно безупречным. Белоний Вульт, губернатор Нороса именем Его Императорского Величества. Другие знали его как предателя из Лукхазана, генерала норосских мятежников, служившего теперь империи на высоком посту.

— Неужели нельзя было хотя бы набросить чистую тунику, Гурвон? — осведомился Белоний. — Мы предстанем перед императором — и, что более важно, перед его вновь канонизированной матерью.

— Она чистая, — отвечивал Гайл. — Ну, во всяком случае, выстиранная. Грязь въелась. Этого они от меня и ожидают: нетесанный южанин, только из глуши.

— Тогда ты выглядишь как раз так, как нужно. Пойдем, нас ждут.

Если у Вульта и были нервы, он их очень хорошо прятал. Магистр Белоний Вульт редко выглядел человеком, испытывавшим дискомфорт, даже во время сдачи Лукхазана.

Шагая сквозь лабиринт мраморных внутренних дворишков и обшитых красным деревом арок мимо статуй императоров и святых, оба кивали лордам и леди. Они направлялись в Императорский дворец, проходя через двери, переступать порог которых позволялось лишь немногим. По залам свободно бродили странные существа: гибриды, гностические конструкты из имперского бестиария. Некоторые из них напоминали чудовищ

из легенд, грифонов и пегасов, однако другие были безымянными порождениями разума своих создателей.

Последняя дверь вела в помещение, в котором имперские гвардейцы в крылатых шлемах выстроились подобно статуям. Камергер попросил их снять фокусные амулеты, увеличивавшие гностическую силу. У Белония это был кристалл, служивший на вершием его красивого, сделанного из черного дерева и серебра посоха; у Гайла — простой оникс, висевший на кожаной тесьме под рубашкой. Прислонив меч к стене и повесив камень на его рукоять, он в последний раз переглянулся с Вультом. *Готов?*

Вульт кивнул, и двое норосцев вместе вошли в святая святых своих завоевателей.

Их взглядам открылся большой круглый покой со стенами из простого белого мрамора, на которых были изображены сцены из жизни Благословенных Трех Сотен. Над столом висела статуя Кориня, возносящегося на Небеса, вращавшаяся без видимой поддержки. В каждой из ее рук были светильники, освещавшие помещение. Тяжелый, отполированный до блеска круглый стол из дуба стоял в окружении девяти кресел — дань традициям севера, шлессенской легенде о короле Альбретте и его рыцарях. Впрочем, император Константин превратил этот легендарный символ равенства в своего рода насмешку, сидя на резном троне, установленном на возвышавшемся над столом помосте, который занимал в помещении центральное место. Если Гайл не ошибался, помост был украшен кешийским золотом и верблюжьей костью: добыча из последнего священного похода.

— Ваши Величества, позвольте представить вам магистра-генерала Белония Вульта, губернатора Нороса, и Вольсай-магистра Гурвона Гайла из Нороса, — объявил слуга.

Его Императорское Величество Константин Сакрекёр взглянул на них из-под нависших бровей и нахмурился.

— Они норосцы, — произнес он хнычущим тоном. — Матушка, ты никогда не говорила, что они — норосцы.

Он пошевелился в своей тяжелой, отделанной мехом горностае багровой мантии. Императору явно было неудобно. Он был худощавым мужчиной чуть младше тридцати, однако вел себя как человек гораздо менее зрелый, а на его лице постоянно по-

являлось выражение вздорной недоверчивости. Его борода была всклокоченной, а волосы — жидкими. Создавалось впечатление, что император предпочел бы находиться где-то еще. Во всяком случае, ему явно становилось скучно.

— Разумеется, говорила, — ответила его мать жизнерадостно.

Канонизированная Мать Империи Луция Фастериус продолжала сидеть, однако доброжелательно улыбнулась, удивив Гайла, ожидавшего от этой женщины более холодных манер. У ее глаз и рта виднелись морщинки, которые большинство тщеславных женщин-магов попытались бы устранить любыми способами, а одета она была в простое платье небесно-голубого цвета. Ее единственным украшением оказался золотой венец-нимб, которым она отводила назад свои светлые волосы. Женщина скорее была похожа на любимую тетюшку.

— Вы выглядите сегодня столь же ослепительно, как и вчера, Ваше святейшество, — произнес Белоний Вульт с глубоким поклоном.

Это было столь очевидной неправдой, что императрица-мать вздернула бровь.

— На деньги, которые я потратила на вчерашнее платье, можно было бы организовать новый священный поход, — заметила она сухо. — Надеюсь, вы не хотите сказать, что мне просто следовало надеть крестьянскую сорочку, губернатор Вульт?

— Я лишь имел в виду, что любые украшения меркнут перед вашим прекрасным лицом, святая госпожа, — ответил Белоний невозмутимо.

Вульт был тем еще льстецом.

Окинув его оценивающим взглядом, Луция жестом указала на два стула напротив нее. За столом сидели четверо мужчин. Одни смотрели на вновь прибывших равнодушно, другие — враждебно.

— Позвольте мне поздравить вас с канонизацией, Ваше святейшество, — продолжал Вульт. — Никогда не встречал человека, заслуживавшего бы подобного признания больше.

Луция мило улыбнулась, напомнив, скорее, хорошенькую девочку, принимающую похвалу за внешний вид, чем канонизированную правительницу. Однако подслушанные Гайлом рассказы о том, что она делала с теми, кто вызывал ее недовольство,

леденили даже его закаленную в житейских передрягах душу. Откуда ему было знать, как выглядят и ведут себя святые?

— Добро пожаловать в Тайный совет Рондельмара, — сказала Луция, изящно взмахнув рукой. — Вам знакомы эти господа? Позвольте же мне их представить. — Она указала на высокого, лысеющего мужчину, выглядевшего лет на сорок, но прожившего, вполне возможно, все восемьдесят. — Это — граф Калан Дюбрайль, имперский казначей.

Дюбрайль коротко кивнул. Его древние глаза смотрели куда-то вдаль.

Волосы сидевшего рядом с ним мужчины были седыми, но его лицо выглядело моложавым, а телосложение атлетичным.

— Я Кальт Корион, — произнес он холодно. — Я помню вас, Вульт. — Казалось, Корион вот-вот сплунет. Он обернулся к Луции: — Не понимаю, зачем им к нам присоединяться — это Тайный совет, а не базарное кафе, в котором путешественники могут поделиться своими мыслями. Я читал план, и мне не нужно, чтобы его мне пытались впарить *они*.

— План, который мы намерены осуществить, был разработан этими господами, дорогой Кальт. Будь с ними любезен.

— Я был с нососцами настолько любезен, насколько это имело смысл — во время Мятежа. — Корион самодовольно ухмыльнулся Белонию. — Ваш меч все еще висит в моем зале для трофеев, Вульт.

— На здоровье, — ответил Вульт ей. — У меня есть более мощное оружие, которое никому не отнять.

«Осторожно, Белоний, именем Кора, — подумал Гайл. — Это же треклятый Кальт Корион!»

Презрительно фыркнув, Кальт Корион взглянул на Гайла.

— А это — знаменитый Гурвон Гайл? Полагаю, уже слишком поздно для того, чтобы отменить имперское помилование и повесить его?

— Мятеж был давно, — произнес Гайл мягко, встретившись взглядом с рондийским генералом.

Прошло семнадцать лет с тех пор, как жители Нороса взбунтовались против своих имперских господ. Казалось, они даже могли победить, однако затем Белоний Вульт без боя сдал Лукха-

зан и ход войны изменился в одночасье. Гайл тогда был гораздо младше и являлся беспечным идеалистом. А кем он стал теперь? Главой соглядатаев с потухшим взглядом? Хитрым плутом, придумавшим свой последний план, который позволит ему уйти на покой? Кем-то в этом духе.

— Хорошо сказано. Мятаж произошел слишком давно, чтобы из-за него беспокоиться, — согласился толстяк в нарядной мантии священника, столь тяжелой от золота и драгоценных камней, которыми она была расшита, что уже сама его способность двигаться казалась чудом из чудес. Сейчас великий прелат Доминий Вуртер выглядел еще толще, чем вчера на Плас д'Аккорд. — Он был давно, и мы рады вновь приветствовать наших рожденных в Норосе братьев в лоне Империи. — Прелат жирно улыбнулся. Его челюсть тряслась. — Полагаю, юный Адамус вчера вас хорошо развлек?

Остальные собравшиеся переглянулись. Если норосцы были гостями епископа, то что это говорило о роли Церкви в их предложении или о ее тайных мотивах?

Гайлу стоило немалых усилий оставаться невозмутимым. *Пусть гадают.*

Мужчина, сидевший по левую руку от императора, полуобернулся.

— Я — Бетильон, — объявил он, словно само его имя все объясняло.

И это действительно было так: норосцы до сих пор называли Томаса Бетильона Бешеным Псом за то, что он сделал в Кнеббе во время Мятажа. Что же касается внешности, то это был мужчина с грубыми чертами лица, тяжелыми веками, седеющими волосами и неаккуратными бакенбардами.

— Эта встреча правда необходима? — стоял на своем Корион. — Ну предложил Вульт нам план. Заплатите ему золотом — и пусть идет своей дорогой. — Он вновь самодовольно ухмыльнулся. — В Лукхазане ценят только его.

Луция похлопала ладонью по столу, и все, замолчав, обернулись к ней.

— Довольно представлений, господа. — Она вперила в Кориона холодный взгляд, вмиг перестав выглядеть доброй тетушкой. —

Эти господа играют ключевую роль в нашем плане, и им здесь рады. Оба прибыли по моему — *нашему* — приглашению. Они предложили вариант, который нас удовлетворил и который без их участия осуществить невозможно. — Она махнула рукой в сторону обитых кожей удобных кресел. — Прошу, садитесь.

Казалось, император собирался сказать что-то в поддержку Кориона, однако промолчал, лишь слегка надув губы.

Луция похлопала по стопке бумаг:

— Вы все видели эти документы, и с каждым из вас предложенный магистром Вульгом план священного похода обсуждался в отдельности, однако это — наша первая совместная встреча. Позвольте мне подчеркнуть, господа, что здесь мы решим судьбы миллионов. Судьбы *наций*. Нам предстоит определить ход Третьего священного похода. Не на поле боя. Здесь, в этой комнате. Он будет определен теми, кто собрался по моей просьбе. — Взглянув на своего сына, императора, она добавила: — По *нашей* просьбе.

Гайл задумался, стоит ли она теперь, после своей канонизации, выше его. *Готов поспорить, он тоже об этом думает.*

Луция оглядела собравшихся за столом:

— Я четко опишу ситуацию, чтобы все понимали ее в равной степени. А затем мы согласуем наши действия.

Встав на ноги, она принялась ходить вокруг стола. Ее голос стал ясным и начисто лишенным эмоций. Теперь Луция больше походила на ангела мести, чем на святую.

— Вы не могли не заметить, господа, что Золотой век Рондельмара начал клониться к закату.

Императору ее слова, похоже, не понравились, однако он смолчал.

— Со стороны кажется, что мы никогда еще не были сильнее, — продолжала Луция, — однако здесь, в сердце Рондельмара, чистота его законного господства над миром начала тускнеть. В наши земли закралась нечестивость. Ее несут с собой люди, которых больше заботит золото, чем любовь к Кору. Полчища торговцев жируют, в то время как нам, тем, кто любит Кору и императора, приходится сражаться за то, что спокон веку принадлежало нам по праву. Свершилось великое зло, и это зло

должно быть стерто с лица земли. Говоря о зле, я, разумеется, имею в виду мост Левиафана — это проклятое творение Антонина Мейроса и его безбожных прихвостней. — Она с неожиданной яростью хлопнула по столу. — Когда Кор сотворил эту землю, людскому взору открылись два великих континента, разделенных огромными океанами, и он велел своей сестре Луне сделать их воды непреодолимыми, чтобы Восток никогда не встретился с Западом. Образованный, благородный, просвещенный Запад и низменный, развращенный, идолопоклоннический Восток никогда не должны встретиться — ни под Солнцем, ни под Луной. Так было написано.

— Но Мейрос, — продолжила она, — который оказался слишком трусливым для того, чтобы присоединиться к борьбе за освобождение Юроса от римонского ига, покинул братство Трех Сотен и возвел этот проклятый Мост, ставший корнем всех наших бед! Не знаю даже, осознает ли Антонин Мейрос, что он натворил.

«Когда я видел его в последний раз, он прекрасно это осознал», — подумал Гайл. Он задался вопросом, верила ли Луция Фастериус сама в те слепые догмы, которые цитировала. Она казалась умной и образованной — даже доброй. Однако в ее взгляде, заставлявшем вспомнить о ядовитой змее, скрывалось что-то фанатичное.

Остановившись за своим креслом, Луция крепко схватилась за деревянную спинку.

— Целый век мы наблюдали, как Мост открывается каждые двенадцать лет, когда воды отступают достаточно для того, чтобы его можно было пересечь. Мы видели, как купцы переезжают его и возвращаются со всевозможными восточными товарами, вызывающими зависимость, — опиумом и гашишем, кофе и чаем, даже шелками и прочими предметами роскоши, заражающими наших людей. Возвращаясь, они могут устанавливать цены практически на собственное усмотрение. Банкиры предлагают купцам щедрые кредиты, в то время как из аристократии, магов-защитников, сделавших Рондельмар тем, чем он является, они выжимают все до последнего. Кто богатейшие люди Рондельмара? Торгаши и банкиры! Жирные, раболепные слизни вроде Жана Бенуа и его торговой клики. И что они купили

на свои грязные деньги? Наши дома — нашу *собственность* — наше *искусство*. Но даже хуже: они *купили* наших сыновей и дочерей, нашу *Кровь!* — Теперь Луция кричала, брызжа слюной. — Эти *мерзавцы покупают* наших детей в качестве жен и мужей, чтобы их презренные потомки имели *все*, и золото, и гнозис. В результате мы стали свидетелями возникновения новой породы — магов-купцов, гнусных, жадных полукровок. Не обманывайте себя, господа: идет война. Война между людьми Наживы и людьми Крови. Просто подумайте: безродные коробейники покупают наших дочерей, чтобы породить собственных сыновей и дочерей с гностическими способностями. А мы, Маги, — что делаем мы? Мы. Продаем. Наших. *Детей*.

Глаза Луции мстительно сузились.

— Однако Престол не сидел, сложа руки, друзья мои. Два Лунных Прилива назад мы нанесли удар. Мой оплакиваемый муж, император Магн Сакрекёр, смело бросил вызов еретику Мейросу — и тот отступил. Зная, что Мейрос не рискнет уничтожить свое собственное творение, мы вторглись в Антиопию и *покарали неверных*. Мы покорили Дхассу, Явон и Кеш, установив новую власть, чтобы та правила от нашего имени и обращала язычников к Кору. Но, что важнее, мы *сломили* торгашей. Разрушили доверие между купцами Востока и кликой Бенуа. Это стоило нашим людям определенных тягот, но мы ослабили хватку купцов и банкиров.

«*Определенных* тягот? — подумал Гайл с возмущением. — Результатом ваших действий стали нищета, лишения и мятеж — но зато вы лишили купцов нескольких процентов их прибылей, не правда ли?»

Луция кивнула в сторону Бетильона:

— Томас и его люди защищают Гебусалим и готовятся к следующему священному походу, но походы опустошили нашу казну. Люди жертвовали, и жертвовали щедро, однако мы все еще должны миллионы проклятым торгашам-банкаирам — и они по-прежнему процветают, по-прежнему наращивают свое влияние — *по-прежнему покупают наших детей*.

«Если бы четыре пятых добра, награбленного во время похода, не осели в личных закромах некоторых членов королевской

семьи, то, возможно, имперская казна пребывала бы в лучшем состоянии», — подумал Гайл, бросив взгляд на Калана Дюбрайля, который, похоже, пытался выбросить из головы ту же самую мысль.

Мать Империи Луция вновь села. Ее лицо все еще пылало страстью, однако голос стал более холодным.

— Позвольте мне быть честной, господа: еще никогда престол не был настолько слаб. Пусть эта слабость и не вина императора, — добавила она быстро, увидев, что Константин встрепенулся. — Даже будучи ребенком, Константин проявил мудрость и смелость, объявив Второй священный поход и упрочив наше владычество над Геббской долиной. Но купцы скупают наши души, превращая избранный народ Кора в нацию лавочников.

— Но они — не единственные наши враги, — продолжала Луция. — Герцог Эхор Аргундский, брат покойного императора, ясно дал понять, что желает занять трон, и вся Аргундия пляшет под его дудку. То, что единственный дядя моего сына замышляет измену, заставляет мою кровь кипеть. Он тоже должен быть уничтожен. И, — она выглядела так, словно вот-вот плюнет, — в наши края проникла еще одна *скверна*: антиопские рабы, привезенные сюда, чтобы выполнять работу за честных людей Юроса. Я не против рабства, в конце концов, сидийцы годятся только на это, но позволять этим *грязнокожим* ходить среди нас — это уже слишком. Они *должны* быть истреблены!

Гайл заметил, что Дюбрайль с трудом сдержался, чтобы не застонать. Он вспомнил, что налоги на работоторговлю приносят казначею неплохую прибыль. *Бьюсь об заклад, ты не хочешь, чтобы торговля прекратилась...*

Теперь во внешности Луции не оставалось ничего от святой.

— Они — наши враги, господа: купцы, герцог Эхор, грязнокожие и Мейрос. Он — в первую очередь. — Мать Империи глубоко вздохнула. — Они все должны умереть.

С мрачным выражением на лице она замолчала, и комната погрузилась в тишину. Собравшиеся за столом согласно закивали, и Гайл решил, что будет разумнее поступить так же. *Вот, значит, как мыслят святые.*

Луция сделала жест в сторону Белония.

— Наш добрый друг, магистр Вульт, прибыл с целью предложить нам решение всех наших проблем. Передаю слово ему, чтобы мы смогли услышать план спасения нашей страны из первых уст.

Тут же поднявшись, Вульт поклонился:

— Невозможно было описать наше положение лучше, святейшая госпожа. Для начала позвольте мне должным образом представить Гурвона Гайла, моего друга и коллегу, чья сеть информаторов позволила нам вместе разработать этот план. Глаза и уши Гурвона повсюду. Вероятно, он самый осведомленный человек на Урте.

Гайл с трудом сдержался, чтобы не обвести их своим знаменитым взглядом «я знаю, с кем вы спите».

— Мой план позволит устранить три основные проблемы, упомянутые Матерью Империи Луцией, — продолжил Вульт с будничным видом. — Купцов, герцога Эхора и кешских язычников. Говоря просто, мы всех их уничтожим, и, как сказала Мать Империи, все начнется с Моста. Мост Левиафана начинается в Понте и тянется больше чем на три сотни миль до побережья Дхассы, не отклоняясь ни на дюйм. Впечатляющее оружие.

— Демоново творение, — пробормотал Бетильон.

«Да, но оно принесло вам внушительные прибыли», — подумал Гайл.

— Двадцать три года назад, — продолжал Вульт беззаботно, — император Магн провел по Мосту четыре легиона. Антонин Мейрос мог остановить нас, убив десятки тысяч рондийских солдат и гражданских, — ценой разрушения своего собственного творения. Погибли бы все, и последовавшая за этим смута, скорее всего, стоила бы императору власти. Но Мейрос и его Ордо Коструо ничего не сделали, позволив императору Магну овладеть Мостом — и Гебусалимом.

— Когда Мост вновь закрылся, мы надеялись, что сделали достаточно, — продолжал он. — Торговые гильдии потеряли огромные суммы. Многие из них разорились. Но ресурсы нашего воздушного флота ограничены, и гебусалимский гарнизон был в итоге перебит огромными ордами язычников. Это было наше

крупнейшее военное поражение. В 916 Ваше Величество, — Вульт кивнул Константу, — отомстило за эту резню и упрочило нашу власть над Гебусалимом, сделав милорда Бетильона его губернатором и так пустив кровь темнокожим язычникам, что они побелели.

Бетильон с Корионом хохотнули.

«Ты умеешь ими манипулировать, друг мой», — мысленно признал Гайл.

— Приближается Третий священный поход, — вновь заговорил Вульт. — Через год мост Левиафана поднимется из морской пучины, и мы пройдем по нему опять. Нас ждет весь Кеш. Амтехская конвокация в Гатюхии объявила шихад, священную войну, обязывающую каждого приверженца амтехской веры поднять против нас оружие. Третий священный поход не будет похож ни на что из происходившего до него. Он станет по-настоящему масштабным и положит начало целой эпохе.

Мы должны взглянуть в лицо тому факту, что на нашем пути есть препятствия, — продолжил губернатор. — В имеющем ключевое значение королевстве Явон приведенная нами к власти династия Доробонов пала, и на ее место пришли Нести, потомки старых римонских сенаторов. Явон, населенный как римонцами, так и кешийским народом, известным как джхафи, раскинулся на холмах, возвышающихся над Жассийской долиной к северо-востоку от Гебусалима. Возьмите под контроль Явон — и получите ключи от Гебусалима и Кеша. Чтобы гарантировать себе продвижение, мы должны обеспечить власть над Явоном. Этот край понять непросто, но мой коллега хорошо его знает. Пришло время Гурвону открыть наши планы на Явон.

Гайл огляделся, облизав внезапно пересохшие губы. Император Констант выглядел так, словно ему было скучно, а вот Луция наклонилась вперед, вперив взгляд в Гайла. Вид Кориона и Бетильона был угрюмо-бдительным, а Дюбрайль сидел как на иголках. Лишь великий прелат Вуртер, казалось, чувствовал себя комфортно. *О религия, бальзам для души.*

Откашлявшись, Гайл заговорил:

— Ваши Величества, когда явонцы свергли Доробонов шесть лет назад, королем был избран Ольфусс Нести. Как вы заметили,

я употребил слово «избран»: явонцы следуют старой римонской традиции избрания правителей, однако здесь есть подвох. Возможно, вас это шокирует, но занять трон может лишь человек *смешанной* крови — римонской и джхафийской. Это было оговорено ради предотвращения гражданской войны, когда римонцы впервые осели в Явоне. Происхождение Ольфусса смешанное, а его жена, мать его двух сыновей и двух дочерей, — джхафийка. В прошлом году я подстроил инцидент, в котором погиб его старший сын и наследник. Его дочерям в данный момент семнадцать и шестнадцать, а младшему сыну — семь. Других детей у него не будет. Если Ольфусс умрет, его старшая дочь станет регентом и будет править до тех пор, пока его семилетний сын не достигнет совершеннолетия.

— Сын и наследник? — Луция выглядела озадаченной. — Разве нового короля не избирают?

Гайл покачал головой:

— Как я и сказал, Явон — странное место. Если избранный король умирает насильственной смертью, его дети наследуют трон. Это механизм, призванный предотвращать цареубийства.

Корион с Бетильоном фыркнули — как и император. Констант сел на трон после загадочных смертей отца и старшей сестры.

Гайл дождался, пока собравшиеся вновь не обратят свои взгляды к нему.

— Через несколько месяцев Салим, султан Кеша, предъявит Ольфуссу ультиматум с требованием о том, чтобы Явон присоединился к шихаду. Ольфусс, разумеется, примет ультиматум Салима: он — полуримонец-полуджхафиец, и обе его части страстно ненавидят Рондельмар. Так что мы должны организовать в Явоне переворот и восстановить власть Доробонов.

— Какую поддержку Доробоны имеют в Явоне? — спросил Кальт Корион.

— Семья Горджо — второй крупнейший римонский клан — имела большое влияние при правлении Доробонов. После устроенного Нести переворота они были подвергнуты остракизму. Горджо богаты, но примесь джхафийской крови у них гораздо меньшая, поэтому они никогда не были — и никогда не будут —

Содержание

Пролог. Паутина душ	7	22. Кружащие стервятники	453
1. Томления императора Константа.	13	23. Вновь познавая сердце	459
2. Надень свои камни	37	24. Проявление	490
3. Стандарты Нороса	55	25. Шакалы Ахма	495
4. Цена руки вашей дочери	80	26. Огненные фигуры в воздухе	505
5. Почтительная дочь	95	27. И след простыл	518
6. Слова огня и крови.	108	28. Предсказания	527
7. Скрытые причины	119	29. Посланник	541
8. Акт предательства	137	30. На дело	551
9. Разбогатевшие	168	31. Любовники	577
10. Солдат шихада	200	32. Призрак пса	614
11. Выпуск	206	33. Южный мыс	649
12. Военный совет	227	34. Раскрытие	663
13. Контакт с врагом	252	35. Пожирательница душ и убийца	688
14. Дорога на север	257	36. Оборотень	711
15. Гамбит мага	283	37. Под поверхностью	733
16. Кусок янтаря	323	38. Не мертва	751
17. Песчаные бури	343	39. Горы в рассветных лучах.	757
18. Госпожа Мейрос	370	Эпилог. Конец — это начало.	770
19. Протянутые руки	396	Слова благодарности.	781
20. Это предательство	414		
21. Пропавший и преследуемый	434		

Літературно-художнє видання

ХАЇР Девід
Кров мага
Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *В. М. Андрієвський*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 24.10.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 41,16. Наклад 3750 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ХАИР Дэвид
Кровь мага
Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *В. М. Андреевский*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 24.10.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 41,16. Тираж 3750 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Юрос і Антиопія розділені нездоланими морями. Але раз на дванадцять років, під час Місячного Припливу, вода опускається і відкривається міст Левіафана, що єднає схід і захід на короткі два роки. Цього часу вистачить, щоб бойові маги Юросу назавжди уярили світ Антиопії. Але в цьому плані з'являються несподівані обставини — трое емігрантів з Антиопії, які опинилися в самому осерді Юросу. Вони — єдиний порятунок для свого краю і погибель для загарбників. Гряде новий священний похід. Імператор Юросу збирає всі сили, ненависть і підлість в армії бойових магів. Однак вони й гадки не мають, із чим зіткнуться, коли міст Левіафана розчахне свої ворота востаннє...

Хаир Д.

X15 Кровь мага : роман / Дэвид Хаир ; пер. с англ. А. Оржицкого. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 784 с.

ISBN 978-617-12-7115-9

ISBN 978-1-78087-195-0 (англ.)

Юрос и Антиопия разделены непроходимыми морями. Но раз в двенадцать лет, во время Лунного Прилива, вода опускается и открывается мост Левиафана, соединяющий восток с западом на короткие два года. Этого времени хватит, чтобы боевые маги Юроса навсегда поработили мир Антиопии. Но в этом плане появляются непредвиденные обстоятельства — трое эмигрантов из Антиопии, оказавшиеся в самом сердце Юроса. Они — единственное спасение для своего края и гибель для захватчиков. Грядет новый священный поход. Император Юроса собирает все силы, ненависть и подлость в армии боевых магов. Но они не подозревают, с чем столкнутся, когда мост Левиафана распахнет свои ворота в последний раз...

УДК 821.111